

RU

Антитеза «человеческое – бесчеловечное» как идейно-смысловая основа рассказа Ф. И. Чудакова «Бузуй»

Лаптева Н. А.

Аннотация. Цель исследования - определить идейный смысл рассказа «Бузуй» Ф. И. Чудакова (1888-1918). Научная новизна обусловлена тем, что анализ рассказа Ф. И. Чудакова в указанном аспекте предпринят впервые. В статье исследуются особенности архитектоники рассказа; образная система и средства характеристики персонажей, что позволяет прояснить концептуальный замысел писателя. Полученные результаты показали, что авторский замысел реализуется через противопоставление таких моральных понятий, как «человеческое» и «бесчеловечное». Данная антитеза воплощается в конфликте главного героя и его антагонистов; образы персонажей создаются благодаря использованию контрастных ключевых характеристик «свой - чужой», «человеческое - звериное»; также противопоставление находит отражение в композиционном расположении главок рассказа.

EN

Antithesis “Human – Inhuman” as an Ideological and Meaningful Basis of F. I. Chudakov’s Story “Buzuy”

Lapteva N. A.

Abstract. The paper aims to reveal ideological meaning of the story “Buzuy” by F. I. Chudakov (1888-1918). Scientific originality of the study is conditioned by the fact that F. I. Chudakov’s story was not previously analyzed from such a perspective. The article examines story architectonics, figurative system, personages’ characteristics, which allows clarifying author’s intention. The findings indicate that author’s intention is realized through the opposition of moral concepts “human” - “inhuman”. This opposition manifests itself through the conflict between the main character and his antagonists; personages are described in terms of opposition “friend - foe”, “human - bestial”; contrast also largely determines story composition.

Введение

Особое место в прозе Ф. И. Чудакова занимают произведения, которые посвящены политическим ссыльным. Разнообразные в жанровом отношении, они во многом являются отражением ушедшей эпохи; но главная особенность заключается в том, что через мир художественного произведения автор может воплощать собственные принципы и установки, утверждать гражданскую или нравственную позицию. Внимания исследователей заслуживает художественная речь писателя: система языковых средств, используемых для выражения различных интенций. «Ценностная мысль художника о мире, об основах бытия определяет отбор и соотношение лексических средств, многообразную и системную перестройку семантических и экспрессивных свойств слов, воссоздающих авторскую картину мира» (Поцепня, 1997, с. 32).

Актуальность исследования определяется тем, что после выхода в свет в авторитетном столичном издательстве двухтомного издания произведений Ф. И. Чудакова (2019) насущной необходимостью становится осмысление значения и места его литературного наследия в контексте литературы Серебряного века. Многогранное в жанровом и проблемно-тематическом отношении творчество заключает в себе особый духовно-ценностный опыт автора. Подробный анализ рассказа, ориентированный на рассмотрение основных элементов поэтики (композиция, образная система, художественные приёмы и средства), проясняет идею произведения, фокусирует внимание на гуманистических идеалах писателя. Кроме того, анализ произведения позволяет отметить изменения в авторском мировоззрении: постепенный переход от идей социального переустройства общества к глубоко философским идеям нравственного совершенствования человеческой души.

Исследование творчества Ф. И. Чудакова также позволяет углубить представление об особенностях литературного процесса предреволюционного десятилетия, в том числе с точки зрения взаимосвязи общенационального и регионального культурных пластов.

Задачи исследования заключаются в том, чтобы выявить структурные особенности рассказа; соотнести их с расстановкой героев в образной системе; на основе этого уточнить авторский замысел. Для проведения исследования используются следующие методы: структурно-семантический, метод целостного анализа текста. Также осуществлён междисциплинарный подход: анализируются языковые средства, которые используются для создания образов.

Теоретической базой исследования послужили литературоведческие труды отечественных учёных: Л. Я. Гинзбург (1979), С. А. Мартыановой (2014), Д. М. Поцепня (1997), в которых рассматриваются различные аспекты анализа художественных образов. Также значимыми стали исследования А. В. Урманова, которые были проведены при подготовке издания творческого наследия Ф. И. Чудакова.

Практическая значимость проведённого анализа состоит в том, что литературоведческие комментарии и выводы можно использовать в качестве дополнительных материалов для курсов по русской литературе начала XX века, а также для проведения спецкурсов по истории литературы Приамурья, для организации элективных курсов по литературе или краеведению на уровне школьного образования.

Основная часть

В судьбе Ф. И. Чудакова были аресты и ссылка. «Работал Фёдор Иванович в Чембарской группе эсеров до июля 1905 года, пока в группе не объявился свой Азеф в лице некоего Григория Снежницкого, по доносу которого несколько видных активистов группы во главе с Ф. И. были арестованы, судимы и сосланы в Сибирь. В момент ссылки Ф. И. было 18 лет. <...> Местом ссылки на долю Ф. И. выпала Енисейская тундра» (Катаев, 2016, с. 539). Необходимо поправить биографа: Червянка расположена не в тундре, а в глухой тайге. Это место ссылки располагалось неподалёку от Туруханского края – Туруханской ссылки. В этот край ссылали «политиков» с конца XVIII века: бунтовщиков Пугачёва, декабристов; столетие спустя здесь отбывали наказание первые революционеры, а в самые страшные годы XX века сюда начали высылать репрессированных, среди которых была, к примеру, Ариадна Эфрон.

Жизнь в ссылке была мучительна: голод, суровый климат, болезни разрушали людей изнутри и истончали моральные силы. Одолеvalo положение зависимости, вызывало ощущение безысходности, потому что приспособиться к новым условиям жизни могли далеко не все. Некоторые устраивали коммуны, нанимались работать к местным, однако всё равно терпели притеснения и несправедливость. Спасали только мысли о победе, но и это удавалось крайне редко.

Усугублялось положение тем, что поселенец оказывался в разряде «не-человека». На это во многом влияло отношение к ним «челдонской среды» – местного населения. Иногда заключённые устраивали протесты, которые выливались в агрессивные нападения, ожесточавшие местных. Многие «самозванцы» среди «политиков», прикрывая свои преступления великими революционными целями, заставляли «челдонов» бояться любого ссыльного, «научили их отвечать злом на зло, видеть в каждом поселенце и бродяге затаённого врага, против которого всегда дозволено общественным мнением употреблять силу, если только есть надежда на то, что обида пройдёт безнаказанно» (Саломон, 1900, с. 233).

Нелёгкую судьбу одного такого поселенца и изображает в своём рассказе Ф. И. Чудаков. Размышляя о гуманизме как глубинном явлении, которое не имеет отношения к политике или юридическим законам, писатель создаёт произведение не о социальном устройстве общества, а о моральном облике человека. Вероятно, поэтому Ф. И. Чудаков избирает в качестве места действия не известный ему по собственной ссылке Туруханский край, а далёкий от этих мест берег Зеи. Для автора, очевидно, не принципиально, где именно происходят события, так как главной ареной развёртывания конфликта становится душа человека. Писатель исследует проблемы духовности, задаётся вопросом: до какой степени жестокости способны дойти люди, у которых есть сила или власть, по отношению к «маленькому человеку». Подобная проблематика была обусловлена не только непосредственным жизненным опытом амурского автора, но и влиянием на него современного литературного контекста. Она была представлена, как известно, и в творчестве ведущих русских прозаиков рубежа XIX–XX столетий (В. Г. Короленко, Н. Д. Телешов и др.), которые утверждают веру в гуманистические ценности, анализируя взаимоотношения человека и общества. Признанные писатели нового времени через изображение антиномичности бытия обращались к нравственным вопросам о соотношении светлого и тёмного начал человеческой души (Л. Н. Андреев); о преодолении зла «маленьким человеком» (И. С. Шмелёв).

Рассказ «Бузуй» был опубликован в 1911 году в благовещенской газете «Эхо», в № 820 за 31 июля (13 августа) под псевдонимом *Босяк* – своеобразный намёк на бродяжническую жизнь самого автора. Дело в том, что Фёдор Чудаков отбыл половину срока и по поддельным документам на имя Кузьмы Резниченко, крестьянина, бежал из ссылки сначала в Красноярск, затем в дальневосточный Благовещенск. Ненастоящее имя писатель впоследствии будет использовать как один из псевдонимов.

В качестве заглавия использовано слово, незнакомое современным читателям. Данная лексическая единица не зафиксирована ни в академических толковых словарях, ни в диалектных словарях сибирских говоров (Полный словарь сибирского говора, 1991; Словарь русских говоров Сибири, 1999; Словарь синонимов сибирского говора, 2016). Находим это слово в диалектном словаре Приамурья: *Бузуй*, я, м. Неодобр. 1. Хулиган. *Вот бузуй: везде напакостит. Я сына и бузуйём, и фулюганом ругала* (Джл. Скв.). 2. Бездельник. *Бузуй только пьянствует, оне не работают почти* (Серг. Благ. Амур). Нов.-Даур.: лентяй, бездельник. 3. Одинокий мужчина,

бобыль. *Так он и умрёт бузём: ни жены, ни детей у него нет* (Белояр. Маз.). Амур. (Школьный диалектный словарь Приамурья, 2014, с. 23). В комментариях к двухтомному изданию Ф. И. Чудакова А. В. Урманов (2019) пишет: «Бузуй (диал.) – человек, сбежавший или вернувшийся с каторги, разбойник» (с. 529).

Все лексические значения содержат в себе семы «мужчина», «нарушение общепринятого порядка», «неприятие у окружающих», «негативно окрашенная экспрессивная оценка». Предположительно (точно установить этимологию слова не представляется возможным), эта единица связана со словами «буза», «бузить» и их производными, которые вошли в пласт общеупотребительной лексики из тюремного жаргона (Потапов, 1927, с. 20; Фабричный, 1923, с. 186).

Чтобы показать отношение окружающих к бузую, Ф. И. Чудаков помещает образ поселенца в центр системы персонажей, особым образом выстраивая архитектуру рассказа. В композиционном отношении произведение делится на четыре части: I – пристав допрашивает поселенца; II – поселенец в одиночестве скитается в поисках ночлега; III – местные парни придумывают «штуку», которую можно «выкинуть» над несчастным; IV – жители издеваются над бузем. Каждая глава раскрывает внутренний мир героя, волею судьбы оказавшегося в положении изгоя. «Создавая своего персонажа, писатель не просто фиксирует некую человеческую данность, соотносимую с первичной реальностью. <...> В процессе углубленного чтения персонаж воспринимается не только как часть единичного художественного текста, но и как откровение о духовном строе авторской личности» (Мартьянова, 2014).

В каждой главе изображена ситуация: герои-антагонисты так или иначе проявляют бесчеловечность по отношению к поселенцу. Чтобы сделать образ каждого персонажа объёмным, Ф. И. Чудаков высвечивает в его структуре разные компоненты: «...духовное ядро, эмоционально-волевой мир, мир сознания, формы поведения» (Мартьянова, 2014). Так создаётся идейная основа рассказа: проявление человеческого и бесчеловечного.

Фраза, открывающая первую главу, свидетельствует о том, что случилось нечто противоправное: «Пристав начинал раздражаться» (Чудаков, 2019, с. 81). Вероятно, действие происходит в участке, а подозреваемый отказывается сотрудничать, что вызывает всё возрастающее раздражение пристава. Оказывается, представитель порядка требует от поселенца признания в краже, которую тот не совершал. В понимании пристава складывающаяся несправедливость естественна и логична: «Фу чёрт! Да пойми ты дурацкой своей башкой – тебе же лучше будет. Ведь все улики как на ладони. Кроме тебя – некому. Пойми! Ведь уж не отвертись. Сознайся – ты?» (Чудаков, 2019, с. 81). Такую грубую манеру обращения легко может позволить себе только тот человек, у которого есть власть, а значит и сила. Реплики пристава на протяжении всей главы состоят из чертыханий и негативно окрашенных наименований, адресованных поселенцу: «дурацкая башка», «чухна (сокращённое от чухонец – имеет смысл ругательства. – Н. Л.) проклятая» (в широком смысле – ограниченный, бестолковый человек, дурень) (Урманов, 2019, с. 529), «сволочь», «собачий сын». Причина агрессии объясняется в одном из высказываний героя: «Много тут вашего брата, бузуйни. Воры, душегубы, конокрады! Всё ваш брат! Вы у меня...» (Чудаков, 2019, с. 82). Оказиональное образование – «бузуйня» – существительное с собирательным значением, имеющее негативную эмоционально-экспрессивную оценку. И сразу же сам герой даёт пояснение смысла этого слова: воры, душегубы, конокрады. Из-за устоявшегося представления местных о том, что все поселенцы – опасные уголовники, любого из них можно обвинить в любом преступлении, так как закон никогда не будет на их стороне. И пристав, зная это, желает избавиться от проволочек и лишних хлопот, поэтому заставляет поселенца «сознаться» в краже, тем более все улики налицо. Однако на самом деле в рассказе нет никаких упоминаний о том, что доказательства действительно имеются.

Самое страшное в сложившейся ситуации то, что поселенец тоже осознаёт собственное бесправное положение. Он понимает, что его судьба сейчас находится в руках пристава и протестовать, к сожалению, не имеет смысла. Остаётся принять происходящее смиренно: «Раз все улики – чего ж сознаваться? <...> Я не крал. В чём сознаваться? Я не крал. Кто поверит? Сознаюсь – поверят. Почему? – Бузуй. Бузуй не человек, а? Душа есть? Совесть есть?» (Чудаков, 2019, с. 81). Два раза повторяется фраза о том, что герой невиновен. Однако можно ли поверить бузую, который не считается за человека? Последние риторические вопросы реплики формально адресованы приставу, но на самом деле кажется, что адресатами становятся люди вообще. В этих вопросах звучат недоумение, обида, боль и отчаяние.

Когда сторож собирается по распоряжению пристава увести «виновного» в «собачий ящик» – каталажку, поселенец предпринимает попытку спастись и рассказывает о своём алиби: «Постой! Господин пристав! Последнее слово. Я не крал. Кража ночью, а я утром пришёл. В десять часов. Спросите мужика. Подвёз. Нагнал на дороге, подвёз. Чёрный мужик, Ефим» (Чудаков, 2019, с. 81). Реплика поселенца контрастна высказываниям пристава: вежливость в обращении – «господин пристав»; как будто в ожидании казни – «последнее слово»; в третий раз произнесённое, спокойно и искренне, как заклятие, – «я не крал»; и обоснование невиновности, логически выстроенное, лишённое эмоций: подтвердить время появления поселенца в деревне может свидетель.

Пристав приказывает позвать этого мужика, а пока продолжает доказывать «преступнику» его «вину» – здесь он власть, он хозяин. Пришедший Ефим сначала боится, что обвинять в чём-нибудь будет его, но, узнав причину вызова, обстоятельно рассказывает, как подвёз «обвиняемого»: «Что он за человек – нам неизвестно. Как из городу ехал, нагнал его вёрст за десять, вижу, еле идёт. Ишь обутки-то на ём какие – аршавские. Ну, подвёз. Показался – парень с лица обходительный. Подвёз я его. Порожняком, ваше благородие, ехал, ячмень в город возил» (Чудаков, 2019, с. 82).

Показания крестьянина обеспечивают поселенцу алиби – снимают подозрения. А также из этого рассказа читатель может почерпнуть некоторые детали образа главного героя. На протяжении всего повествования

главный герой остаётся безымянным, автор называет его «поселенцем», другие герои – «бузуюм». Не сообщая никаких подробностей, Ф. И. Чудаков использует минус-приём – в этом случае «эстетически актуально именно неполное понимание» (Гинзбург, 1979, с. 16). Перед читателем предстаёт «чистый» персонаж, без описания внешности, без предыстории; только человек среди других. Именно отношение к поселенцу становится мерилем гуманности всех остальных героев. «Персонажи представляют собой своего рода двухплановую целостность, порожденную прежде всего авторским эмоционально-оценочным освещением, но также восприятием, оценкой, которые “осуществлены” другим персонажем» (Мартынова, 2014).

Итак, реплика Ефима проясняет не только некоторые детали образа поселенца, но и сущность самого мужика. Он обращает внимание на обувь: «обутки-то на ём какие – аршавские». Как предполагает А. В. Урманов (2019) в комментариях, «аршавскими обутками персонаж, очевидно, именуется варшавскую, изготовленную в Варшаве, обувь, то есть, в разумении местного населения, слишком “деликатную”, не годящуюся для деревенских, амурских условий, быстро приходящую в негодность» (с. 529). Ефим, как и пристав, видит чужака в герое, но не опасается его, наоборот, расценивает его как человека, нуждающегося в помощи, и поэтому проявляет по отношению к нему доброту, отмечает, что тот «еле идёт» – очень устал, делает акцент на его порядочности: «Показался – парень с лица обходительный». Крестьянин Ефим становится по отношению к главному герою спасителем: несмотря на неудовольствие и раздражение пристава, невинного поселенца приходится отпустить.

Во второй главке изображены поиски ночлега. Авторское повествование перемежается несобственно-прямой речью главного героя. Этот своеобразный симбиоз сознаний позволяет читателю острее пережить то, что испытывает обездоленный человек, попавший в трудное положение.

В мире вокруг бесприютно: холодно, дождь, слякоть, ветер, надвигается ночь. Тяжело и на душе у поселенца: совсем нет знакомых – помощи ждать неоткуда; а также нет денег, наличие которых решило бы некоторые проблемы. Наложило отпечаток и нервное потрясение, испытанное поселенцем в участке. Создают дискомфорт физические муки: чувство голода, усталость от долгого пути – «устал как собака» (Чудаков, 2019, с. 82). Хотя это выражение является фразеологическим, в контексте произведения оно обрастает дополнительным смыслом: поселенец будто занимает положение гонимой и побиваемой собаки, вынужденной скитаться в поисках ночлега. Усиливая ассоциации, Ф. И. Чудаков использует подобное сопоставление в последней главке ещё раз.

Приговором звучат слова автора: «Некуда было поселенцу идти» (Чудаков, 2019, с. 82). У тёмного народа он вызывает такое же неприятие, как и у представителя власти, только, очевидно, усиленное страхом. Пугающим словом в деревне у всех на устах было слово «бузуй» (оно специально в этой главке заключено автором в кавычки). Хорошо, если просто не впускают в дом, а могут и так: «...изобьют ещё, как в Овчаровке». Эта деталь говорит о жестокости местных жителей, проявляющих агрессию просто потому, что человек «голоден, устал, хочет спать» (Чудаков, 2019, с. 82).

Погода всё быстрее ухудшается, темнота сгущается – и всё сильнее хочется оказаться в теплом и сухом месте. Чтобы усилить жалость к несчастному, писатель прямо выражает своё отношение к нему: «Шёл по улице, одинокий, страдающий, никому не нужный» (Чудаков, 2019, с. 83). Определения говорят о бесконечной неприкаянности героя, находящегося под гнётом бесприютности, которая от деревни к деревне гонит его в поисках если не милосердия, то хотя бы человеческого участия. Но до страданий маленького человека никому дела нет. Единственное его желание – почувствовать защищённость от проявлений враждебного внешнего мира.

Этот мир Ф. И. Чудаков условно делит на две части: пространство, в котором обитают другие, чужие, люди; и пространство, где окажется поселенец. Первому свойственны открытость, враждебность, неуютность. Второе, чтобы оказаться спасительным, должно быть замкнутым, закрытым, обеспечивающим защиту и хоть какой-нибудь комфорт – чтобы не попадал дождь, и было тепло.

«Надвигалась чёрная, холодная осенняя ночь. Зажигались огни в окнах изб. Утихала деревенская жизнь. И сеял-сеял мелкий нудный дождь, острыми каплями коловший лицо» (Чудаков, 2019, с. 83). Описание строится на антитезе: человек – природа, тепло – холод, свет – тьма, тишина – звуки, комфорт – дискомфорт. Рождается парадокс: в мире людей человеку так же бесприютно, как под открытым ночным небом в дождь. Психологическое состояние героя очень сложное: ему всегда нужно быть начеку. «Стал бродить по улице, стараясь не шуметь. Боялся людей и собак. Первых больше» (Чудаков, 2019, с. 83). Сколько боли и горя, унижений и несправедливости принял этот парень от людей, чтобы так о них думать.

Долгожданным спасением становится большая пустая бочка во дворе заброшенного дома. Сперва идея переночевать в ней кажется смешной – скорее всего, напоминает звериный образ жизни. Но есть убедительные доводы: «Там сухо. Большая она, можно укрыться от дождя. И никто не увидит» (Чудаков, 2019, с. 83).

В третьей главке появляется новый герой – житель деревни. С этого начинается фабульное событие произведения. Алексей Берлогин отправился за лошадьми в поле, но внезапно его внимание привлёк храп. Найдя источник звука, он видит торчащие из бочки дырявые сапоги. Такое необычное место ночлега заставляет Берлогина насторожиться, приглядеться к спящему человеку: «незнакомый, нездешний» (Чудаков, 2019, с. 83). А если чужак – то непременно бузуй, с ним разговор один: «За коим лешим попал, а? Ишь, язвы его, нахрапывает. Нашёл квартиру... Растолкать, что ли? По шеям надавать?» (Чудаков, 2019, с. 84). Опасения поселенца подтверждаются: людей нужно бояться больше, чем собак. Однако автор, кажется, возвращает веру в людей: «Решил – не стоит». Но мгновенно низвергает героя с мнимой высоты сострадания, чтобы ярче высветить контраст: беззащитный спящий человек без имени – и «человек» с именем, задумывающий зло. «Лучше как-нибудь позабавиться. Выкинуть штуку над бузуюм» (Чудаков, 2019, с. 84). Парень зовёт на помощь Проху, который одобряет затею. План созревает мгновенно: пока «бузуй» спит, зовут ещё двоих парней и замышляют прокатить бочку по улицам села.

Четвёртая главка – кульминация рассказа. «Выкинутая штука» охватывает всю деревню – перед читателем разворачивается картина всеобщего глумления над маленьким человеком. Движущей силой для развития действия в главке становится ускоряющееся движение бочки. Для несчастного поселенца начинается ад, об этом свидетельствует описание обстановки. Писатель несколькими штрихами рисует дикую картину: парни, словно одержимые бесом, хохочут над страхом и беспомощностью поселенца. Создаётся впечатлительное, что в этот момент они лишаются человеческого облика: дико кричат, тюкают – издают утробные нечленораздельные звуки, первобытно визжат от восторга, и подобно им визжат собаки, бегущие рядом.

Далее действие градационно набирает обороты. Другие местные тоже интересуются происходящим: «...бежали ребятишки, мужики останавливались на дороге, удивлённо глядели и спрашивали» (Чудаков, 2019, с. 84), почему такой шум. Парни «остроумно» отшучиваются: «Бузую катаем! <...> Бузую в Питенбурх по телеграфу везём!» (Чудаков, 2019, с. 84) Удивительно, но никто из «зрителей» даже не пытается остановить это безумие. Напротив, становятся участниками, которых охватывает какой-то звериный азарт травли. «Тщетно пытался поселенец выскочить из бочки. Его били по ногам, по спине пинками, загоняли в бочку. Он кричал, просил пощады. Хохотали и катили дальше» (Чудаков, 2019, с. 84).

И вот уже полсела сбежалось на шум. «Всем было весело. Слышались шутки, смех, хохот» (Чудаков, 2019, с. 85). Как будто сегодня праздник, в разгаре народные гуляния, все в отличном настроении, шутят. Однако вызывает крайнее удивление природа смеха – страдания безвинного человека. Что-то безумное, дьявольское слышно в этом хохоте; сложно представить, чтобы на это способны были люди.

И вот «кто-то» обезличенный кричит: «В Зею его! Искупать бузую!» (Чудаков, 2019, с. 84). Толпа, одобряя, подхватывает предложение: проявляя сноровку, сельчане раскатывают бочку и пускают с высокого берега. Хрустя галькой, летит стремительно бочка, падая в воду, издаёт звук, похожий на вздох. И тут же раздаётся крик, пронзительный, полный ужаса и отчаяния, как будто цепляющийся за жизнь. А в ответ с берега слышится многоголосый хохот собравшихся – ситуация с поселенцем, оказавшимся на грани жизни и смерти, кажется этим людям забавной.

Бочка известна как предмет обихода ещё с древних времён, это одна из самых мирных вещей, которую создал человек. Однако способ «использования» бочки, описанный в произведении, вызывает ужас. Так, бочка становится не только предметом вещного мира, но и образом-символом. Она выполняет различные функции, по-разному характеризует героев: даёт не только приют, но и успокоение поселенцу, с одной стороны; с другой же – становится инструментом изощрённой пытки в тот момент, когда сельские парни толкают её. Таким образом, представление читателя о человечности как бы переворачивается.

Мучения поселенца не кончаются, когда он оказывается в воде: в вынырнувшего мужчину «полетели камни, комья земли, поленья» (Чудаков, 2019, с. 85). Ф. И. Чудаков словно испытывает читателя, заставляя задуматься над вопросом: как появляется в сердцах людей настолько необоснованная, неумная жестокость?

И только после окончательной победы над «врагом», когда поселенец выходит на берег и в мольбе встаёт на колени, в толпе происходит отрезвление от морока: «И многим стало не по себе. Видели – плачет. Видели – взрослый, здоровый парень плачет как дитя» (Чудаков, 2019, с. 85). Именно сейчас сельчане разглядели в несчастном живого человека, незащищённого перед наносимыми обидами. И раздаётся чей-то голос: «– Ну будет, ребята, – сказал один и, как-то угловато повернувшись, пошёл к селу. Отрезвели почти все. Не шли на язык слова» (Чудаков, 2019, с. 85). Испытывающий стыд, герой отказывается продолжать издевательство сам и останавливает других.

Главным выразителем сострадания становится старушка – архетип сердобольной женщины-матери, жалостливой заступницы. Отойдя от толпы, она защищает несчастного, обещая, что больше его не тронут.

Положение поселенца Ф. И. Чудаков снова уподобляет собачьему – так подчёркивается аллегоричность образа «бузую». Он поверил сказанному, поднявшись с колен, вышел на берег, наклонил голову, будто до сих пор ожидает удара. «Собачье, беспомощное было в его фигуре». Он вновь мокрый, как и ночью накануне, когда искал ночлег: «...текла с него ручьём вода» (Чудаков, 2019, с. 85). Однако внутреннее состояние отличается: он плачет, обхватив голову руками, доведённый до крайнего душевного потрясения. Очень сложно выстоять, оказавшись в положении «один против всех».

Развязкой становится единственное предложение: «Толпа молча расходилась» (Чудаков, 2019, с. 85). Эта картина противоположна тому, что описано в основной части главки. Нет движения и бега, нет вертящейся бочки, хохота. Думается, что толпа вернётся в село – и каждый опять займётся бытовыми делами. Но молчание людей всё-таки красноречиво свидетельствует: изменения произошли. Есть надежда, что сегодня что-то сломалось в тёмном сознании этих людей.

Заключение

Делая выводы, нужно отметить: «Бузуй» – рассказ о человеке, который оказывается в силу обстоятельств исключённым из системы человеческих отношений. Сначала по политическим убеждениям он становится врагом власти и её представителей; а затем и в глазах народа он также не встречает поддержки или сострадания. Конфликт – столкновение главного героя с героями-антагонистами, имеющими разный социальный статус, но одинаково относящимися к «бузую», – воплощается писателем не только через образную систему, но и через особое композиционное расположение главок. Основным принципом раскрытия нравственной проблематики рассказа становится антитеза: внешнее действие – внутреннее действие; чужой – свой; сострадание – жестокость; человеческое – звериное.

Рассказ «Бузуй» открывает перемены в мировоззрении автора (если сравнить это произведения с другими, более ранними). Похоже, Ф. И. Чудаков постепенно осознаёт: многие проблемы российского общества политическим путём излечить нельзя. До того, как исправлять недостатки государственного устройства, нужно заняться исцелением душ. Писатель всё отчётливее понимает: борьба добра со злом происходит внутри человека, главная победа в ней – торжество человеческого начала.

Перспектива проведённого исследования состоит в систематическом изучении различных аспектов других произведений Ф. И. Чудакова (не только прозаических, но и лирических, драматических, публицистических) в их соотношении друг с другом, что актуально при комплексном осмыслении творческого метода автора и его мировоззрения.

Источники | References

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
2. Катаев М. Х. Фёдор Иванович Чудаков. Биографические штрихи // Ф. И. Чудаков. «Чаша страдания допита до дна!» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., предисл., подгот. текста, ком. А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016.
3. Мартыянова С. А. Персонаж в художественной литературе: учеб. пособие. 2014. URL: <https://docplayer.com/55651966-Personazh-v-hudozhestvennoy-literature.html>
4. Полный словарь сибирского говора: в 4-х т. / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 1. А - З.
5. Потапов С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
6. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во С. Петербург. ун-та, 1997.
7. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк её истории и современного положения: для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900.
8. Словарь русских говоров Сибири: в 5-ти т. / под ред. А. И. Фёдорова; сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Фёдоров. Новосибирск: Наука; Сиб. предприятие РАН, 1999. Т. 1. А - Г.
9. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. Э. Гавар, М. А. Толстова; под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.
10. Урманов А. В. Комментарий к разделу Проза // Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019. Т. 2. Убитая песня.
11. Фабричный П. Язык каторги // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1923. № 6.
12. Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019.
13. Школьный диалектный словарь Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014.

Информация об авторах | Author information

Лаптева Наталья Андреевна¹

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Lapteva Natalya Andreyevna¹

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

¹ rusoved12@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): Ф. И. Чудаков; рассказ «Бузуй»; антитеза; образная система; композиция; F. I. Chudakov; story “Buzuy”; antithesis; figurative system; composition.